

А.В. Корневский*

A.V. Korenevskiy*

**Идеологема отложенного
спроса, или Сколько раз
«изобретали» теорию
«Москва – Третий Рим»?****The Ideologeme of Deferred Demand,
or How Many Times the Theory
of “Moscow as the Third Rome”
Was “Invented”?**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-1

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-1

УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Корневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 9–28. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-01.pdf>

Korenevskiy A.V. The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of “Moscow as the Third Rome” Was “Invented”? // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 9–28. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-01.pdf>]

Abstract. The article examines the circumstances of emergence and subsequent history of the theory of “Moscow as the Third Rome”. The author aims to comprehend the causes of fluctuations in public interest in of this religious-political concept: initially it was ignored by the authorities, but more than half a century later it acquired the status of an official state doctrine, then it was plunged into the periphery of public mind and, it would seem, was forgotten, but in the 19th century it was reborn from oblivion. After 1917, a taboo was imposed on this topic, but since the 1990s there has been a new surge of interest in the heritage of Filofei. Such sharp fluctuations in perception by the society and the authorities of the Third Rome idea are considered in the article through the prism of controversy about the so-called “invention of tradition”. In this article, the author refers to the historiographical anamnesis of the concept of “invention” of the theory “Moscow as the Third Rome”. Verification of this interpretation is undertaken through a comprehensive analysis of sources that reflected the existence of the idea of the Third Rome in the 16th century. The author concludes that the statements about “invention” of Filofei’s theory – its “accidental” (in the course of anti-astrological polemics) occurrence and “marginal” status – are unfounded: the absence of references to the Third Rome in official program texts of that time was due not to the indifference of society to this theory, but to the fact that the underlying concept of the symphony of the authorities fundamentally contradicted the autocratic ideology of Vasily III and Ivan IV. The change of political course at the turn of the 16th and 17th centuries expectedly led to a radical change in the attitude of the authorities to the idea of the Third Rome.

Keywords: Moscow as the Third Rome; invention of tradition; Filofei; Byzantine heritage; messianism.

The article has been received by the editor on 01.12.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена обстоятельствам возникновения и последующей истории теории «Москва – Третий Рим». Автор ставит целью осмысление причин флуктуаций общественного интереса к этой религиозно-политической концепции: первоначально проигнорированная властью, она более чем через полвека приобретает статус официальной государственной доктрины, затем вытесняется на периферию общественного сознания и, казалось бы, предается забвению, но в XIX в. возрождается из небытия. После 1917 г. на эту тему бы-

* Корневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: root1961@list.ru

Korenevskiy Andrey Vitalievich, Candidate of Historical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: root1961@list.ru

ло наложено табу, но с 1990-х гг. прошлого столетия наблюдается новый всплеск интереса к наследию Филофея. Столь резкие колебания в восприятии обществом и властью идеи Третьего Рима рассмотрены через призму полемики о так называемом «изобретении традиции». В данной статье автор обращается к историографическому анамнезу концепции «изобретения» теории «Москва – Третий Рим». Верификация данной трактовки предпринимается посредством комплексного анализа источников, отразивших бытование идеи Третьего Рима в XVI в. Автор приходит к выводу о необоснованности суждений об «изобретении» теории Филофея – ее «случайном» (по ходу антиастрологической полемики) возникновении и «маргинальном» характере: отсутствие упоминаний о Третьем Риме в официальных программных текстах того времени было обусловлено не безразличием общества к этой теории, а тем, что лежащая в ее основе концепция симфонии властей в корне противоречила авторитарной идеологии Василия III и Ивана IV. Смена политического курса на рубеже XVI–XVII вв. закономерно привела к кардинальному изменению отношения власти к идее Третьего Рима.

Ключевые слова: Москва – Третий Рим; изобретение традиции; Филофей; византийское наследие; мессианизм.

Ловушки дихотомий. Любые интеллектуальные моды преходящи, но не все скоротечны. Потенциал одних идей оказывается не столь велик, как это могло показаться в момент их «премьеры», другие же и через десятилетия сохраняют свою востребованность. Более того, иной раз концепции, изначально встреченные без особого энтузиазма, позднее, обретя пати-ну времени, а вместе с ней статус классики, начинают почитаться за истину в последней инстанции. Так, например, в отношении постмодернизма, под знаменем которого некогда была предпринята фронтальная атака на гуманитарное знание, сложился вполне устойчивый консенсус: «больной скорее мертв, чем жив» – таков диагноз, регулярно выносимый постмодернизму на протяжении последних двадцати лет. Основанием для этого вывода служит и отсутствие сколь-нибудь методологически значимых текстов под «лейблом» постмодернизма, опубликованных позже девяностых¹, и появление примерно тогда же в текстах о постмодернизме таких понятий, как «пост-пост-»², «гипер-»³ или «метамодернизм»⁴, явно указывающих на завершенность его жизненного цикла. На этом фоне судьба конструктивизма – другой интеллектуальной революции, разразившейся немногим позже, – выглядит не столь пессимистично: и сегодня трактовка нации (а с некоторых пор и этноса) как «воображаемого сообщества» (на самом деле более корректный перевод «imagined» – «воображенного») является канонической, а высказывание взглядов, квалифицируемых как «примордиализм», сопряжено с определенными репутационными рисками. Традиционно датой окончательной концептуализации «конструктивистского поворота», наметившегося еще в 60-х гг. прошлого века, считается 1983 год, когда в свет вышли три его базовых текста: «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера⁵, «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона⁶ и сборник «Изобретение традиции» под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера⁷. Судьба последней книги и концепта, вынесенного в ее заглавие, особенно примечательна. За неполные три десятилетия, прошедшие с момента публикации сборника,

---

¹ Mortimer I. What isn't History? The nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century // History. 2008. Vol. 93. № 312. Iss. 4. P. 456.

² Впервые термин «пост-постмодернизм» использован британским архитектором Томом Тернером (Turner T. City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning. London: E&FN Spon, 1996. P. 3–10). Примерно к этому же времени относят появление данного понятия и Дж.Т. Нилон (Nealon J.T. Post-post-modernism, or, The Cultural Logic of Just-in-time Capitalism. Stanford, 2012. P. 195).

³ Lipovetsky G. Hypermodern Times. Cambridge, 2005. 150 p.

⁴ Vermeulen T., Akker van den R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.

⁵ Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 145 p.

⁶ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. 160 p.

⁷ The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. 320 p.

частота употребления словосочетания «изобретение традиции» не только не снизилась, а наоборот, возросла настолько, что его, по мнению В.С. Малахова, можно считать общепринятой формой декларации приверженности данному подходу и даже «мемом»⁸. Столь продолжительный и солидарный энтузиазм тем более примечателен, что в момент появления концепции Хобсбаума реакция гуманитариев была не такой уж позитивной. Как заметила Регина Бендикс (Regina Bendix), эта книга «задела чувствительные струны»⁹ профессионального сознания многих специалистов в области исследований этничности и традиций. Возмущение историков и антропологов вызвало «выпячивание дихотомии между нерелексированным “обычаем” и всенепременно конструируемой “традицией”»¹⁰. Менее чем через год после выхода в свет сборника Хобсбаума и Рейнджера была опубликована статья Дэна Бен-Амоса (Dan Ben-Amos) «Семь нитей традиции: многозначность ее трактовок в американской фольклористике». В ней автор, подробно проанализировав различные концепции и подходы, делает такой многозначительный вывод: «Фольклористы, антропологи и историки пришли к выводу, что общество не относится к традиции пассивно; часто оно создает свою собственную традицию путем отбора исторических событий и героев и даже путем изобретения прошлого (курсив мой. – А. К.)»¹¹. Не называя оппонентов, а лишь ограничившись вежливой ссылкой на их сборник, Бен-Амос дает понять, что в самой концепции «изобретения традиции» нет ничего нового за исключением категоричности ее формулировки: «Таким образом, – подытоживает автор, – традиция вполне может быть сконструированным канонem, спроецированным в прошлое, чтобы узаконить настоящее»¹². Еще раз обратим внимание: традиция «вполне может быть» изобретенной, но вовсе не обязательно и всенепременно является таковою. Попытка противопоставлять «обычай» и «традицию», трактуя это как некое непреложное правило, по меньшей мере сомнительна. Тем не менее это предупреждение не было услышано. Сработал эффект, названный О.Г. Эксле «ловушкой дихотомии», которая «состоит в ее предполагаемой неизбежности»¹³.

Эрик Хобсбаум и его «соавторы». Очевидно, само время, когда появилась концепция «изобретения традиции», побуждало к категоричности оценок и дихотомическому теоретизированию: Советский Союз уже вступил в пору «гонок на оружейных лафетах», в Польше «Солидарность» вынудила Ярузельского отменить военное положение, Рейган объявил СССР «империей зла» и анонсировал программу «звездных войн»... Мир жил предощущением небывалых перемен, и вскоре они наступили, диктуя свою аксиологию и эстетику: кардинальное размежевание с прошлым в политике должно было рифмоваться со столь же решительным отрицанием прежнего опыта в культуре и науке. И, разумеется, в исследованиях именно тех обществ, которые оказались в эпицентре глобальных перемен, применение данной аналитической рамки сулило наибольшие перспективы. Отчасти это было обусловлено травматическим эффектом переходного периода в новых государствах бывшего Советского Союза и Восточной Европы, причем не только для населения этих стран, но и для тех, кто занимался их изучением. Но в гораздо большей степени – по причине несравненно большего, чем на западе, континента, значения исторических сантиментов в общественном сознании этих стран. Ведь к востоку от Эльбы начинается, по словам Жака Рупника (Jacques Rupnik), «другая Европа», и здесь «прошлое, если воспользоваться выражением Фолкнера, “никогда не умирает. Это даже не прошлое”»¹⁴. Как отмечали аналитики девяностых и нулевых, именно «наследие прошлого» задавало и вектор, и стартовые условия, и

⁸ Малахов В.С. Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // Неприкосновенный запас. 2018. № 3. С. 236–245.

⁹ Bendix R. In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies. Madison, 1997. P. 211.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies // Journal of Folklore Research. 1984. Vol. 21. № 2/3. P. 114–115.

¹² Ibid. P. 115.

¹³ Эксле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 56.

¹⁴ Rupnik J. The Other Europe. The Rise and Fall of Communism in East Central Europe. New York, 1989. P. 36.

результаты преобразований в странах восточной Европы¹⁵. По этой причине многие историки того времени, в особенности русисты, как отечественные, так и зарубежные, принялись усердно встраивать концепт «изобретения традиции» в собственные исследования, причем не только касающиеся современности или советского периода, но и более ранних эпох. Как не без иронии заметил В.С. Малахов, «поток книг и статей, использовавших слово “изобретение” в целях максимизации собственной узнаваемости и опознаваемости авторов как теоретически продвинутых, едва ли поддается исчерпывающему обзору»¹⁶. При этом В.С. Малахов склонен считать историков, присягнувших на верность Хобсбауму, не только верными его последователями, но и «соавторами», что действительно имеет под собой определенные основания.

Парадоксальным образом историкам девяностых-нулевых в обосновании концепции «изобретения традиции» показалось недостаточным как раз то, что гуманитарии восьмидесятых сочли чрезмерным. Последние, напомним, не отрицая самой возможности «изобретения» традиции, протестовали против излишне категоричного постулирования дихотомии между ними и «обычаями». В понимании антропологов того времени это является *избирательной актуализацией* прежнего опыта, но никак не фабрикацией традиции *ex nihilo*. Однако Хобсбаум считал, что «в той мере, в какой это увязывается с историческим прошлым, особенностью “изобретенных” традиций является то, что этот континуитет по большей части фиктивен»¹⁷. Впрочем, сам он понимал, что как раз в данном пункте его теория особенно уязвима, поскольку надежно верифицируемых примеров явной фабрикации «древних» обычаев не так уж и много. Неслучайно едва ли не все, кто излагает концепцию «изобретения традиции», приводят в ее подтверждение только происхождение шотландского килта и тартана – другие примеры, содержащиеся в книге, явно уступают этому кейсу в убедительности и наглядности. По крайней мере они отсылают отнюдь не к «седой древности», а потому не воспринимаются столь же «революционно». Поэтому Хобсбаум, понимая шаткость аргументации, все-таки старался сглаживать категоричность оценок, оговариваясь, что «реальный процесс формирования таких ритуальных и символических комплексов недостаточно изучен историками», «многое все еще довольно неясно»¹⁸. Взвешенность позиции должны были демонстрировать и такие обороты, как «по большей части» (*largely*), «видимо» (*evidently*), «по сути» (*in fact*), «постольку поскольку» (*insofar as*). Однако все эти оговорки опускаются или заменяются выражениями большей уверенности, причем не только в цитатах и вольных изложениях, но и в опубликованном в «Вестнике Евразии» переводе введения к книге. Например, Хобсбаум пишет, что традиции, воспринимаемые как древние, могут оказаться недавними и «иногда изобретенными» (*sometimes invented*)¹⁹, однако в переводе почему-то оказывается «нередко», что прямо противоположно смыслу авторского высказывания. Иными словами, историки, истово уверовавшие в «изобретение традиции», стремились к большей определенности в формулировании исповедальной формулы своего кредо. Соответственно, вполне ожидаемым было их стремление найти в российской истории подтверждение этой теории.

Кто ищет, тот всегда найдет. В 2000 г. во втором номере только что возникшего журнала *Ab Imperio* была опубликована статья известного историка-русиста Маршалла По (Marshall Poe) с «говорящим» заглавием «Изобретение концепции “Москва – Третий Рим”»²⁰. Это был как раз тот самый случай, когда все сошлось в одной точке: историографическая ситуация, политика журнала, тема, позиция автора, ожидания академической среды и

¹⁵ Ekiert G., Hanson S.E. Introduction // *Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule*. New York, 2003. P. 3; Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G. Introduction: Democracy and Party Competition // *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation*. Cambridge; New York, etc., 1999. P. 12–13.

¹⁶ Малахов В.С. Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности... С. 236.

¹⁷ Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // *The Invention of Tradition*. Cambridge, 2000. P. 2.

¹⁸ Ibid. P. 4.

¹⁹ Ibid. P. 1.

²⁰ По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 61–86.

более широкой аудитории. Журналу, премьера которого состоялась всего тремя месяцами ранее, нужна была именно программная статья, отражающая заявленную его основателями аналитическую рамку «новой имперской истории», понимаемой как применение конструктивистского подхода к исследованиям постсоветского пространства во всей его пространственно-временной протяженности. В этом отношении идеально подходила и тема статьи, и фигура автора. С одной стороны, концепт «Москва – Третий Рим» – это едва ли не самый узнаваемый словесный образ русской истории, а высочайшая степень зависимости его историографических интерпретаций от политической конъюнктуры – хрестоматийный факт, не нуждающийся в пространном обосновании. С другой стороны, М. По уже к тому времени был достаточно известным историком-русистом с безупречной академической репутацией, который никоим образом не мог быть заподозрен в политико-идеологической ангажированности. При этом он был одним из основателей и соредкторов весьма авторитетного в области Russian Studies журнала *Kritika*, ратовавшего за преодоление русофобских клише западного общественного сознания²¹ и весьма благожелательно настроенного к идее «новой имперской истории»²². Да и сам год, завершавший XX столетие и «девяностые» (которые несколько позже в редакционной статье той же «Критики» будут названы «выдающимся десятилетием»²³), побуждал к историографической и методологической рефлексии. Более того, именно существенное расширение эмпирической базы исследований и кардинальное обновление аналитического языка, произошедшее в ходе «выдающегося десятилетия», обязывали не просто к размышлению и подведению итогов, но непременно к революционному пересмотру устоявшихся трактовок, быть может даже к открытию. Выбор темы вполне соответствовал посылу, заявленному в первых же строках статьи, – развенчанию историографической мифологии «осевых моментов»²⁴. И следует признать, в той части статьи, которая непосредственно касается имперской идеологии XIX столетия, американскому историку удалось это сделать вполне компетентно и убедительно. Автор статьи с источниками и фактами в руках показывает, как на волне Восточного вопроса «изобреталось» его идейное обоснование и какую роль в этой риторике сыграла публикация сочинений псковского инок Филофея о «Москве – Третьем Риме». Правда, в какой-то мере он повторял уже давно сказанное советскими историками, доказывавшими, что данная теория не была официальной доктриной Московского царства и не имела никакого отношения к внешней политике. В то же время следует учитывать, что этот вывод, признаваемый в отечественной историографии того времени за бесспорную истину, строго говоря, не был результатом кропотливых исследований, а формулировался «от противного». Он противопоставлялся «измышлениям буржуазной пропаганды» – утверждениям дореволюционных историков о прямой связи между идеей Третьего Рима и политикой Российской империи в Восточном вопросе и западных советологов, использовавших аргументацию последних для доказательства перманентной агрессивности российской и советской политики.

На фоне подобных декларативных текстов, фабриковавшихся по обе стороны идеологического фронта «холодной войны», работу М. По выгодно отличала академическая сдержанность, логичность и фундированность. И если бы проблематика данной статьи касалась лишь XIX столетия, можно было бы полностью согласиться с выводами американского

²¹ Данная позиция отличала журнал с момента его основания, а несколько позже была эксплицирована в специально посвященной этому редакционной статье (*David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: Russophobia and the American Politics of Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2, № 2 (3). P. 465–467.*)

²² *David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: Some Paradoxes of the “New Imperial History” // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1, № 4. P. 623–625.*

²³ «Кто-то однажды сказал, что революции – моменты высочайшего напряжения, во время которых, кажется, все преображается, – это чувственный экстаз истории. Если данное суждение справедливо, то десять лет, прошедшие после падения советского коммунизма, были чувственным экстазом историографии» (*David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: A Remarkable Decade // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2, № 2. P. 229.*)

²⁴ *По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим»... С. 61.*

историка. Однако «замах» автора был шире: говоря об «изобретении» идеи «Третьего Рима», он имел в виду не только спекуляции российских неоромантиков, но и самого творца теории псковского инока Филофея. По сути, замысел М. По заключается в доказательстве того, что данная теория – такой же симулякр, как и шотландский килт. Он настойчиво артикулирует тезис о возникновении идеи «Москва – Третий Рим» *ex nihilo*: у Филофея не было предшественников, к созданию теории не существовало никаких предпосылок, сама формула родилась совершенно случайно – по ходу антиастрологической полемики – и почти никем из современников не была замечена.

Столь решительное размежевание с предшествующими интерпретациями, конечно же, выглядит весьма эффектно, однако в действительности кажущаяся убедительность таких построений достигается за счет сознательного или неосознанного умолчания: автор предъясняет идею «Москва – Третий Рим» как бы *per se*, почти не уделяя внимания интеллектуальному и социокультурному ландшафту эпохи. Это легко не заметить читателю, поверхностно знакомому с данной проблематикой, а сторонниками постмодернизма, принципиально игнорирующего проблему контекста, может быть даже принято за норму, но для «узкого специалиста» это попросту невозможно. Любому мало-мальски знакомому с интеллектуальной историей русского Средневековья известно, что теория Третьего Рима возникла на волне обостренного интереса общества к теме «византийского наследия», которая, в свою очередь, является, наряду с концептами Нового Иерусалима, Нового Израиля, Святой Руси, одним из вариантов русского мессианизма. Безусловно, соотношение этих концепций, степень сходства и различия между ними – сложнейшая проблема, вокруг которой не прекращаются ожесточенные споры историков и философов, но игнорировать ее и представлять дело так, будто Послание Мисюрю Мунехину, где впервые появляется знаменитая формула, это всего лишь «детальное описание зол астрологии и католицизма»²⁵, по меньшей мере странно. М. По лишь бегло упоминает о «более общей и родственной идее “византийского наследия”»²⁶, но в чем проявляется это «родство», не поясняет. Наоборот, он считает, что коль скоро нигде до Филофея словосочетание «Третий Рим» не встречается («Все указывает на то, что Филофей был первым, кто обнаружил “Третий Рим” в Московии»²⁷), да и в его посланиях применение концепта вполне ситуативно – «в качестве приема, который можно использовать в еkkлезиастическом дискурсе»²⁸, то никакой связи между взглядами псковского старца и всеми предшествующими и современными ему идеями нет. В силу всех этих причин, как считает М. По, теории Филофея не суждено было стать мейнстримом русской общественно-политической мысли: «Хотя несколько недовольных церковников и предупреждали о надвигающемся апокалипсисе, а минимальное количество читающих историческую литературу гордились своим новым “вечным городом”, московские власти игнорировали имперские коннотации теории “Третьего Рима”. Мы практически не находим в официальных документах какого-либо упоминания о “Третьем Риме”»²⁹. Столь категоричный вывод содержит как минимум две несуразности. Во-первых, сам же М. По упоминает в своей статье об учреждении патриаршества, обоснованием которого как раз и было учение о Третьем Риме, что само по себе превращало, пусть и с запозданием, эту теорию в официальную религиозно-политическую доктрину. Во-вторых, что это за «минимальное количество» и кто эти «несколько недовольных церковников»? Как подсчитал А.Л. Гольдберг, на которого неоднократно ссылается М. По, до нас дошло более 130 списков произведений о Москве – Третьем Риме³⁰, что само по себе немало. Заметим попутно, что с точки зрения этого исследователя «Послание Мисюрю Мунехину на звездочетцев и латин», в котором была впервые сформулирована идея Третьего Рима, может быть отнесено «к числу *самых*

²⁵ По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим»... С. 67.

²⁶ Там же. С. 69.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Там же. С. 70.

²⁹ Там же. С. 68–69.

³⁰ Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Т. 29. Л., 1974. С. 93–97 (далее – ТОДРЛ).

распространенных (курсив мой. – А. К.) памятников русской письменности»³¹. Кроме того, по мнению А.Л. Гольдберга, отчасти поддержанному Н.В. Сеницыной, Филофею может быть бесспорно атрибутировано только Послание Мисюрю Мунехину, тогда как другие два произведения, содержащие данную теорию, созданы в окружении митрополита Макария³². И если это так (а концепцию Гольдберга Маршалл По не оспаривает), то эти «несколько церковников» принадлежали к высшей иерархии. Уже исходя из этого, Филофея трудно представить одиночкой и отщепенцем. Данная концепция позже была повторена автором в его последующих публикациях³³ и подхвачена другими историками. Так, например, Пол Бушкович (Paul Bushkovitch) без обиняков называет идею Третьего Рима «апокалиптическим бредом маргинального провинциального монаха»³⁴. Дональд Островский (Donald Ostrowski) также считает теорию Филофея «историческим призраком»³⁵ – явлением, значение которого приписано ему задним числом: до появления данной формулы в грамоте об учреждении патриаршества 1589 г. в Москве вообще об этом ничего не знали, а туда она попала, как полагает Островский, благодаря представителям Новгородской епархии³⁶. На портале «Арзамас» и других «поп-исторических» сайтах концепция М. По, «пересказанная» в публицистической манере, вообще подается как окончательно и бесповоротно установленная истина³⁷. Сходных взглядов, хоть и без столь категоричных формулировок, придерживается А.С. Усачев. Указывая на отсутствие упоминаний о «Третьем Риме» в программных текстах ранее 1589 г., он задает почти риторический вопрос: «Чем обусловлен этот казус: преувеличением значения данной мифологемы для Московской Руси XVI в. мыслителями Нового и Новейшего времени или тем, что “Третий Рим” в текстах этого столетия столь искусно укрыт от глаз непосвященных, что при беглом взгляде на них его обнаружить не удастся?»³⁸. Тем не менее в итоге А.С. Усачев высказывается вполне определенно: теория «Москва – Третий Рим» занимала «периферийное» положение в русской книжности XVI в., причиной чему был «“провинциальный” статус Филофея, не входившего в круг книжников, группировавшихся вокруг московских митрополитов». Соответственно, это предопределило «маргинальный статус данной мифологемы, которая в крупнейших памятниках историко-политической мысли этой поры не фиксируется»³⁹. И все-таки насколько оправдан этот вердикт? Действительно ли Филофей был так уж одинок в своих исканиях, как это представляется некоторым историкам? Против этого говорит хотя бы тот факт, что впервые идея Третьего Рима сформулирована в переписке с великокняжеским дьяком М.Г. Мисюрем Мунехиным, теснейшим образом связанным и с придворными кругами, и с московским интеллектуальным бомондом. Кроме того, бесспорен факт переписки Филофея с Федором Карповым – одним из влиятельнейших дипломатов и книжников того

³¹ Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея»... С. 69.

³² Там же. С. 90–92; Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. М., 1998. С. 172–176.

³³ Poe M. Moscow the Third Rome: The Origins and Transformations of a Pivotal Moment // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa*. 2001. Bd. 49. H. 3. P. 412–429; Idem. *The Russian Moment in World History*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. P. 3–4.

³⁴ Бушкович П. Православная церковь и русское самосознание XVI–XVII вв. // *Ad Imperio*. 2003. № 3. С. 115.

³⁵ Ostrowski D. “Moscow the Third Rome” as Historical Ghost Псалтирь лицевая Д.И. Годунова // *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. Perspectives on Late Byzantine Art and Culture. New York, etc., 2006. P. 170–179.

³⁶ Ibid. P. 175. Надо полагать, исходя из отсылки к «новгородским представителям», что исходной формой бытования идеи Третьего Рима историк считает пространную редакцию «Повести о новгородском белом клобуке», однако вторичность соответствующего фрагмента данного произведения по отношению к посланию Филофея уже давно и достаточно убедительно доказана (Лурье Я.С. Повесть о белом клобуке // СККДР. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 214–215).

³⁷ «Москва – Третий Рим»: история спекуляции [Электронный ресурс] // Арзамас. Курс № 10. Генеалогия русского патриотизма. URL: <https://arzamas.academy/materials/324> (дата обращения: 20.11.2021); Kotar N. “Moscow is the Third Rome”: a pivotal moment in Russian history? [Электронный ресурс] // Nicholas Kotar. Author, translator, teacher. URL: <https://nicholaskotar.com/2017/05/09/moscow-third-rome/> (дата обращения: 20.11.2021).

³⁸ Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 69–70.

³⁹ Там же. С. 83–84.

времени. До нас дошло его послание псковскому старцу, в котором автор в превосходных степенях оценивает ученость и слог Филофея⁴⁰, т.е. признает его за равного. На то, что Филофей был не так уж далек от круга митрополита Макария, наталкивают и упомянутые ранее гипотезы А.Л. Гольдберга и Н.В. Сеницыной. Напомним, что оба эти историка, приложившие немалые усилия к текстологическому изучению наследия Филофея, считали весьма вероятным наличие каких-то точек пересечения между ним и окружением митрополита Макария. Иными словами, псковский старец мог иметь какое-то отношение к интеллектуалам, причастным к таким эпохальным явлениям XVI в. в церковно-государственной сфере, как составление Великих Четий Миней, царское венчание Ивана Грозного и Стоглавый собор.

Задолго до этого о внутреннем родстве идей Филофея и воззрений Макария, запечатленных в деяниях Стоглавого собора, писал прот. Г. Флоровский. Эсхатологизм старообрядцев он увязывал с их реакцией на осуждение собором 1666–1667 гг. решений Стоглава, которое было воспринято ими как крушение Третьего Рима⁴¹. О близости взглядов Филофея и Макария может свидетельствовать и выдвинутая Майклом Флайером (Michael Flier) трактовка ритуала «шествия на осляти», введенного при этом митрополите. В датированном 1558 г. описании обряда указывается, что царь ведет за поводья лошадь, «загримированную» под ослицу, с восседающим на ней митрополитом⁴². Таким образом, правитель предстает в роли «браздодержателя» церкви, как назван царь в произведениях, излагающих теорию «Москва – Третий Рим»⁴³. Соответственно, данный ритуал вполне правомерно считать своего рода визуализацией филофеевской трактовки «симфонии властей». Итак, имеются немалые основания для сомнений в справедливости оценок теории Филофея как «исторического призрака» или «апокалиптического бреда маргинального монаха». Но чтобы прояснить данную ситуацию, необходимо обратиться к истокам идеи Третьего Рима. Как советовал Козьма Прутков, «отыщи всему начало, и ты многое поймешь». Итак, попытаемся восстановить тот интеллектуальный и событийный контекст, в котором зародилась теория «Москва – Третий Рим».

Ad fontes. Нам неизвестен тот день и час, когда старца псковского Елеазарова монастыря Филофея осенила обесмертившая его чеканная формула: «Два убо Рима падоша, а третій стоит, а четвертому не быти»⁴⁴. Но мы точно знаем, что произведение, в котором она содержится – Послание М.Г. Мисюрю Мунехину «На звездочетцев и латин», посвященное опровержению взглядов «немчина» Николая Булева, – было написано примерно в 1523 г. или, если точнее, не раньше ноября-декабря 1522 г. и не позже января 1524 г. *Terminus post quem* определяется датой, присутствующей в сочинении Максима Грека, посвященном той же теме. В одном из списков так называемого «Слова противу тщащихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человекомъ», введенном в научный оборот Н.И. Петровым⁴⁵ и В.Ф. Ржигой⁴⁶, содержится важная для нас датирующая информация: «Въ Москвѣ царствующемъ градѣ всеа Русіи живуці мі въ 7000 – и 31-е лѣто при царствѣ благовѣрнейшаго царя всеа Руси великаго князя Василиа Ивановичя, дана ми бысть бумага нѣмчина нѣкогого родом, учениемъ же и вѣрою Латынина і астрологіи, яже о зрѣніи

⁴⁰ Карпов Ф. Послание иноку Филофею // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984 (далее – ПЛДР). С. 518; Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // ТОДРЛ. Л., 1956. Т. 12. С. 172–173.

⁴¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 66–69.

⁴² Hakluyt R. The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt with the Voyages of Oththere and Wulfstan from King Alfred's Orosius. London; Paris; New York; Melbourne, 1889. P. 138–139.

⁴³ Флайер М.С. Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара 2001. С. 218, 238, прим. 58.

⁴⁴ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложения. С. 45.

⁴⁵ Петров Н.И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды Киевской духовной академии. 1872. Т. II. № 8. С. 705–779.

⁴⁶ Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. Sbornik pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologická komise při Slovanském ústavě. R. VI. Praha, 1935–1936. С. 85–109.

роженіихъ несѣтно прилѣпляющагося и чаяние нестерпимо о будущихъ предпознанийъ стяжающаго»⁴⁷. Иными словами, святогорский старецъ познакомился съ предсказаниями Булева о новомъ всемирномъ потопѣ в 1524 г. не ранее сентября 1522 г. (начало 7031 г., согласно сентябрьскому стилю Византийской эры). Соответственно, учитывая удаленность Пскова и минимальное время, необходимое для того, чтобы М.Г. Мисюръ Мунехин, также получившій это «написание», ознакомился с ним, затемъ обратился за разъясненіями к старцу Филофею, а тотъ написалъ развернутое опроверженіе «латинскихъ прелестей», получаемую хронологическую поправку в два-три месяца. Основаніемъ для определения *terminus ante quem* является другое посланіе Максима Грека на ту же тему, в которомъ излагается суть предсказаній немецкаго астролога: «Звѣздозрительнымъ льщеніемъ и халдѣйскимъ бѣсоченіемъ послѣдующе, проповѣдуете измѣненію и преиначенію быти всѣхъ сущихъ и двизающихся на земли словесныхъ и безсловесныхъ гидроахомомъ»⁴⁸. Такимъ образомъ, потопъ, согласно «написанію» Николая Булева, былъ приуроченъ к зодиакальному знаку Водолея («идроахъ» – ὕδροχόος или ὕδροχός), а значитъ это бедствіе должно было произойти не позднее второй декады февраля 1524 г. Иными словами, позже января указаннаго года необходимость написанія развернутаго опроверженія этихъ пророчествъ отпала бы естественнымъ образомъ: сама действительность послужила бы наилучшимъ аргументомъ противъ предсказаній «немчина». На сегодняшній день считается общепризнаннымъ, что впервые теорія «Москва – Третій Римъ» была сформулирована именно в посланіи Филофея М.Г. Мисюрю Мунехину «На звездочетцевъ и латинъ» (или в другихъ спискахъ – «О злыхъ днѣхъ и часѣхъ»⁴⁹). Иные версіи если и встречаются, то являются маргинальными и отражаютъ не столько исследовательскую позицію авторовъ, сколько ихъ слабое знакомство с источниками и научной литературой. Сложнее дело обстоитъ с более поздними текстами, отразившими идею Третьяго Рима. Наиболее близкимъ по времени к первой деклараціи преемственности Московскаго государства отъ Рима и Царьграда является «Посланіе о крестномъ знаменіи», известное также какъ «Посланіе великому князю Василию Ивановичу». Датированіемъ признакомъ в данномъ случаѣ является одна изъ ключевыхъ темъ посланія – «вдовство» Новгородской епархіи, которое завершилось в 1526 г. Именно тогда на кафедрѣ св. Софійи былъ поставленъ архимандритъ Лужецкаго монастыря, в будущемъ митрополитъ Московскій, Макарій. Дальнейшее развитіе теорія «Москва – Третій Римъ» получила в такъ называемомъ «Сочиненіи объ обидахъ церкви», фигурирующемъ в источникахъ какъ «Посланіе Филофея царю и великому князю Ивану Васильевичу». Идея «переименованія» послѣдняго текста принадлежитъ А.Л. Гольдбергу, убедительно обосновавшему ошибочность примененія к нему этого заглавія и отсутствіе в данномъ произведеніи признаковъ эпистолярнаго жанра. Онъ же выдвинулъ упомянутую ранее гипотезу, согласно которой оба текста не могутъ быть атрибутированы псковскому старцу⁵⁰. По мнѣнію А.Л. Гольдберга, Филофею принадлежитъ лишь первое изъ трехъ сочиненій о Третьемъ Римѣ, условно объединенныхъ имъ в такъ называемый «Филофеевъ циклъ», тогда какъ другие два созданы в окруженіи будущаго митрополита Макарія в связи с подготовкой к Стоглавому собору⁵¹. Частично эти выводы были приняты Н.В. Сеницыной. Она посчитала весомыми доводы А.Л. Гольдберга противъ атрибуціи Филофею «Сочиненія объ обидахъ церкви», но поставила под сомнѣніе его датировку и отношеніе к кругу произведеній, созданныхъ сподвижниками Макарія в преддверіи Стоглаваго собора. Изученіе филиграней сборника РНБ, Соф. 1444, содержащаго самый ранній списокъ даннаго произведенія, позволило Н.В. Сеницыной отнести его появленіе к 30-мъ или к

⁴⁷ Ржизга В.Ф. Неизданные сочиненія Максима Грека... С. 91.

⁴⁸ Максим Грекъ. Инока Максима, слово обличительно отчасти латынскаго злословія, в немже и на альманака, иже возвелеречевавшя, потопа всемирнаго быти, иже некогда поминаемыхъ губительнейша // Максим Грекъ. Сочиненія преподобнаго Максима Грека, изданные при Казанской духовной академіи. Казань, 1860. Ч. 2. С. 459.

⁴⁹ Филофей. Посланіе о злыхъ днѣхъ и часѣхъ // ПЛДР. Конецъ XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 442–455.

⁵⁰ Гольдбергъ А.Л. Три «посланія Филофея»... С. 68–97.

⁵¹ Там же. С. 90–92.

началу 40-х гг. XVI в.⁵² Более спорным сочла она вывод А.Л. Гольдберга об атрибуции «Послания о крестном знамении»: в пользу Филофея, по мнению Н.В. Сеницыной, говорит наличие в данном тексте явных созвучий не только с «Посланием на звездочетцев», но и с другим посланием – «По случаю морового поветрия», принадлежность которого Филофею никем не оспаривается. Наличие параллелей сразу с двумя филофеевскими текстами указывает на то, что это именно автоцитаты⁵³. К тому же пример, указанный Н.В. Сеницыной, – выдержка из так называемого «Многосложного свитка» – не единственный. Несомненной автоцитатой из того же «Послания по случаю морового поветрия» является самоуничижительное сравнение автора с «Валаамовой ослицей».

Что же касается «Сочинения об обидах церкви», то приведенные А.Л. Гольдбергом примеры композиционных и стилистических различий между ним и «Посланием на звездочетцев» и даже, как считал исследователь, идейных расхождений свидетельствуют не о принадлежности данных текстов разным авторам, а всего лишь о различной жанровой природе этих произведений.

Известно, что роль жанра в средневековой литературе в силу неразвитости в ней авторского начала было куда более значимой, чем в Новое время. Как отмечал Д.С. Лихачев, искусство Средневековья «стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от того жанра, к которому принадлежит последнее»⁵⁴. Поэтому, даже будучи написаны одним человеком, разножанровые произведения несут в себе различные авторские образы. В случае с «Филофеевым циклом» мы имеем именно разножанровые тексты. Послание Мисюрю Мунехину представляет собой облеченный в эпистолярную форму богословский трактат. «Послание о крестном знамении» написано по канонам «княжеских зеркал»⁵⁵. В «Сочинении об обидах церкви» явно просматриваются жанровые особенности «слов» – риторических произведений, рассчитанных как на чтение, так и на слуховое восприятие. Об этом свидетельствуют такие стилистические особенности данного произведения, как широкое применение «плетения словес», а также риторические обращения к слушателям, в данном случае – к церкви в целом и ее предстоятелю («освященнаа главо»⁵⁶). Исходя из этого, правильнее было бы называть данное произведение «Словом об обидах церкви». Кажущиеся расхождения в идейном содержании всех трех произведений также объясняются различиями в целях и обстоятельствах написания, равно как и их жанровой природой. Так, например, А.Л. Гольдберг считал принципиальным отличием «Послания о крестном знамении» и «Слова об обидах церкви» от первого произведения «Филофеева цикла» присутствие в них критических суждений – обличение различных «неправд» в жизни церкви. Однако следует учесть, что первое произведение было посвящено опровержению «еретических» учений, т.е. являлось апологетическим. Соответственно, какая-либо критика церковных «нестроений» здесь была совершенно неуместна. Кроме того, против гипотезы А.Л. Гольдберга свидетельствует количественный анализ авторского стиля «Слова об обидах церкви»⁵⁷. Он указывает на наличие тех же статистических закономерностей в синтаксической структуре данного текста, что и в «Послании Мисюрю Мунехину». В то же время в «Слове» действительно имеется одна принципиальная новация по сравнению с двумя другими сочинениями Филофея, хотя это и не дает оснований сомневаться в авторстве псковского старца. Она заключается в том, что здесь историософская идея «Третьего Рима» раскрывается не логически, а метафорически – через апокалиптический сюжет «бежания» Богородицы с младенцем-Христом от Змия. При этом Филофей прописывает точный

⁵² Сеницына Н.В. Третий Рим... С. 166.

⁵³ Там же. С. 172, 176.

⁵⁴ Лихачев Д.С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 69.

⁵⁵ Сеницына Н.В. Третий Рим... С. 270.

⁵⁶ Малинин В. Приложения... С. 57.

⁵⁷ Корневский А.В. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 87–124.

«маршрут» бегства: спасаясь от Змия, изрыгающего воду, которая, как указывает Филофей, символизирует неверие, Богородица направляет стопы в Рим, но после впадения латинян в ересь она бежит в Царьград, а после измены греков православию на Ферраро-Флорентийском соборе – на Русь, в Третий Рим. Так тема, лишь эпизодически промелькнувшая в «Послании на звездочетцев», в третьем произведении «Филофеева цикла» превращается в метафорический концепт всей теории.

В этом образе удивительно органично слились и нашли свое зримое выражение все наиболее существенные аспекты теории псковского инока. Уже то, что данный сюжет был заимствован из Апокалипсиса, придавало теме Третьего Рима эсхатологическое звучание, а абсолютный авторитет первоисточника гарантировал полное доверие читателя к этому образу. То, что Богородица не просто спасается от Змия (как это представлено в Откровении Иоанна Богослова), а движется по определенному «маршруту» – через три Рима, создает ощущение исторической динамики. А указание на Русь как на конечную цель ее пути оказывалось созвучным с давними представлениями о богоизбранности этой страны и Богородице как ее заступнице.

Словесная формула «Третий Рим» была гениальной находкой Филофея, но при этом она все же оставалась умозрительной конструкцией, а образ «бежания» Богородицы наполнил эту абстракцию конкретным содержанием, позволяя читателю явственно представить цепь преемственности Рим – Византия – Русь. «Слово об обидах церкви» стало «замковым камнем» теории Третьего Рима. Сочетание трех жанровых форм ее изложения оказалось столь оптимальным, что какая бы конкретная причина ни побуждала книжников обращаться к теории псковского старца – эсхатологические чаяния, богословские споры или нужды большой политики, «Филофеев цикл» предоставлял в их распоряжение необходимые словесные формулы и образы, не требовавшие серьезной редакторской правки. Псковский старец, по сути, не оставил своим последователям возможностей для дальнейшего совершенствования созданной им теории. После окончательного оформления цикла к ней нельзя уже было ничего ни прибавить, ни убавить, ни изменить, не исказив при этом сути концепции и не нарушив ее логической целостности. Этим и объясняется тот удивительный факт, что на протяжении всей последующей истории древнерусской книжности – вплоть до старообрядческой рукописной традиции XVIII–XIX вв. – сочинения «Филофеева цикла» переписывались практически без изменений. При этом уже количество списков неопровержимо свидетельствует об их огромной популярности и высоком авторитете самого Филофея.

Но подобного рода деятельность, в отличие от переписывания рукописей, не может быть частным делом, совершаемым без санкции светской и духовной власти. В связи с этим закономерно возникает вопрос: каково было отношение церковной иерархии к деятельности псковского старца и что его самого связывало с интеллектуальной и властной элитой – как местной (псковской и новгородской), так и московской? Был ли Филофей действительно никому неизвестным иноком («маргинальным монахом») или его положение – формальное и неформальное – было не столь мизерабельным, как это нередко представлено в ученых трудах?

Для начала стоит указать на его формальный статус: можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что он не мог быть простым иноком, а именование его во многих списках сочинения о Третьем Риме игуменом Елеазарова монастыря имеет под собой веские основания. Как справедливо заметил один из первых биографов псковского старца В. Малинин, Филофей не мог бы, не будучи игуменом, напрямую контактировать с М.Г. Мисюрем Мунехиным, возглавлявшим великокняжескую администрацию в Пскове: подобные действия были категорически запрещены иноческим уставом Евфросина⁵⁸. Добавим к этому, что о том же свидетельствует и тон посланий Филофея, адресованных дьяку, особенно первых двух, написанных еще до того, как Мисюрь обратился к старцу за разъяснениями относительно «написания» Булева. Решительные, если не сказать *дерзкие* интонации этих посланий

⁵⁸ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания... С. 38.

указывают на то, что их автор осознавал меру своего влияния в церковной среде Пскова, а кроме того, имел для этого формальные основания, т.е. соответствующий духовный сан, не только позволяющий, но и обязывающий взывать к властям.

В пользу того, что Филофей был настоятелем Елеазарова монастыря, говорит еще один довод, также выдвинутый В. Малининым: в Житии Евфросина игумен с таким именем упоминается в рассказе о пострижении разбойника Василия Тесные Очи⁵⁹. При этом в следующем сюжете – об исцелении некоего Иуды – настоятелем назван Нил. Следовательно, где-то между этими событиями произошла смена игуменов. А поскольку исцеление произошло в правление Ивана Васильевича (т.е. не ранее 1533 г.) и при архиепископе новгородском Макарии, занимавшем кафедру до марта 1542 г., Филофей мог быть игуменом до начала 40-х гг. XVI в., т.е. как раз в то время, когда были написаны послания «На звездочетцев и латин» и «О крестном знамении». С этим согласуется и гипотеза Н.В. Сеницыной о том, что последнее было завуалированным ходатайством о возведении Макария на новгородскую архиепископию. В пользу этого говорит и тот факт, что вскоре после его назначения духовенство Пскова обратилось к владыке с челобитной. Ответом на прошение псковичей стала грамота 1528 г. о правилах представления архиепископу кандидатов на рукоположение, а также о порядке рассмотрения владычным наместником тяжб псковского духовенства с «черными людьми»⁶⁰. Иными словами, предоставление указанных льгот можно рассматривать как демонстрацию архиепископом признательности за оказанную поддержку. В связи с этим представляется вполне вероятным и личное знакомство Филофея с Макарием – если не до его возведения на кафедру св. Софии, то уж как минимум после, когда Макарий, выполняя свой пастырский долг, должен был навещать вверенный его заботам Псков и вряд ли мог не познакомиться с главным сторонником его назначения. Это подтверждает и то обстоятельство, что именно Макарий сыграл ключевую роль в распространении идей Филофея за пределами Пскова: общероссийская известность «Послания на звездочетцев и латин» начинается с его включения в Успенский список Великих Четых Миней, составление которого было инициировано Макарием по завершении в 1541 г. предыдущего, Софийского. Также новгородское происхождение имеет и сборник РНБ, Q.XVII.50, содержащий один из самых древних списков этого послания.

Дополнительный свет на биографию Филофея проливает Псковская Первая летопись редакции 1547 г., к составлению которой, как считают многие исследователи, старец имел самое непосредственное отношение. Одним из фрагментов свода, в которых, по мнению исследователей, наиболее явно просматривается авторская манера псковского старца, является статья 7049 (1540/41) г.⁶¹ Действительно, в этой статье мы находим и самоуничижительную формулу («груб разумом и смыслом»), весьма созвучную самоаттестациям Филофея из его посланий, и характерное сочетание резкой критики наместников и пиетета по отношению к царской власти (великий князь Иван Васильевич, по словам летописца, милосерден к псковичам и потому пожаловал их правом судить и казнить «лихих людей», не обращаясь к наместникам)⁶². Но более всего обращает на себя внимание следующий пассаж: «В тыя лета, – повествует летописец, – Господу Богу поущцу за оумножение грех ради наших, быша намесники на Пскове сверепи, аки лвове, и людие его аки зверие дивии до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городом, а игумены честные из монастыреи избегоша в Новгород (курсив мой. – А. К.)»⁶³. А ведь именно в Елеазаровом монастыре примерно в это время, как мы знаем, появился новый настоятель. Что это, как не то самое недостающее звено, которое выстраивает в единую причинно-следственную связь и смену игуменов в Елеазаровом монастыре

⁵⁹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания... С. 33.

⁶⁰ Евгений, митр. (Болховитинов). История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. II. Прибавление X. С. 77–87.

⁶¹ Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI вв.) Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 28 (далее – СККДР).

⁶² Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Вып. 1. М., 2003. Т. 5. С. 110 (далее – ПСРЛ).

⁶³ Там же. С. 105.

между 1533 и 1542 гг., и появление «Послания на звездочетцев и латин» в Успенском списке Великих Четых Миней, работа над которым началась в 1541 г. (или, по крайней мере, это *terminus post quem*, поскольку именно в 1541 г. был завершен предшествующий Софийский список⁶⁴), и тот факт, что самый ранний сборник, в составе которого дошло до нас «Слово об обидах церкви», имеет не псковское, а новгородское происхождение? Таким образом, выстраивается следующая последовательность событий: осенью 1540 г. Филофей, не найдя общего языка с преемниками М.Г. Мисюря-Мунехина, был вынужден искать защиты у новгородского архиепископа. Очевидно, он же и привез в Новгород свое послание «На звездочетцев и латин», включенное вскоре в состав Четых Миней.

Дополнительный свет на отношения Филофея и Макария проливает третье произведение о Третьем Риме – «Слово об обидах церкви». Напомним, что по своим жанровым характеристикам оно представляет собой не столько литературное произведение, сколько памятник церковного красноречия, а содержащиеся в нем обращения к церкви и ее предстоятелю указывают на аудиторию, которой оно было предназначено. При этом патетический тон и программный характер произведения подсказывают, что поводом к его написанию было отнюдь не ординарное событие. Наиболее оправданно такое обращение в поворотные моменты жизни церкви – на соборе или при избрании нового митрополита. Но поскольку кодикологический анализ сборника РНБ Соф. 1444, содержащего древнейший список «Слова», указывает на 30-е или начало 40-х гг. XVI в.⁶⁵, все говорит о том, что поводом к созданию этого произведения было поставление Макария на московскую кафедру в 1542 г. А коль скоро данный сборник имеет новгородское происхождение, то совершенно очевидно, что это своего рода напутствие вновь избранному митрополиту в предстоящем ему служении исходило из ближнего круга Макария, сложившегося в годы его архиепископства. Напомним, что в указанное время в Елеазаровом монастыре меняется настоятель, а Псковская Первая летопись, составлявшаяся в той же обители, сообщает о том, что некие «честные игумены избегоша в Новгород». Как видим, пазлы сложились. Мы можем только гадать, как сложилась дальнейшая судьба Филофея, но поскольку никаких более поздних следов его деятельности в нашем распоряжении не имеется, срок его земной жизни был уже близок к завершению. Тем не менее годы сотрудничества Филофея с архиепископом Макарием нашли свой отзвук в последующем пастырском служении предстоятеля Русской церкви. Очевидно, Макарий пытался сделать идеи псковского страца достоянием гласности, так как позже он включил «Послание на звездочетцев» в Царский список Великих Четых Миней (1554 г.)⁶⁶. Да и коронация Ивана IV, совершенная 16 января 1547 г. по инициативе митрополита Макария по им же составленному «Чину царского венчания», может рассматриваться как практическое воплощение теории Филофея. Ее ключевая идея – моральной ответственности власти и непреложного соблюдения ею законов Божеских и человеческих, недопустимости попрания справедливости – проходит красной нитью через все пастырские наставления Макария. «Имѣй страхъ Божій въ сердци, и съхрани вѣру христіанскую Греческого закона чисту и непоколебиму, и съблюди царство свое чисто и непорочно, яко же ныне пріаль еси отъ Бога, и люби правду и милость и судъ правый и къ послушнымъ милостивное», – обращается он к Ивану IV в Поучении, оглашенном во время венчания на царство⁶⁷. И этот же мотив обнаруживается во всех политических инициативах митрополита, таких как «соборы примирения» 1547 и 1549 гг. и Стоглавый собор 1551 г. Еще очевиднее проступают филофеевские идеи во введенном Макарием ритуале «шестивия на осляти», о котором упоминалось ранее. По мнению многих историков, с посланиями Филофея был знаком и один из сподвижников Макария пскович Василий-Варлаам, о чем говорит имено-

⁶⁴ Дробленкова Н.Ф. Великие Миней Четы // СККДР. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 1: А–К. Л., 1988. Ч. I. С. 127.

⁶⁵ Синицына Н.В. Третий Рим... С. 166.

⁶⁶ Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея»... С. 75.

⁶⁷ Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 48.

вание Константинополя в написанном им Житии Саввы Крыпецкого «вторым Римом»⁶⁸. С этим вполне можно согласиться, поскольку данное словосочетание могло возникнуть лишь в соотнесении с Третьим Римом. Константинополь традиционно именовался Новым Римом, но никогда, вплоть до появления теории псковского старца, «вторым», так как качество *вторичности* в эстетике Средневековья было сопряжено исключительно с негативными коннотациями. О знакомстве книжников XVI в. с идеей Третьего Рима говорит и тот факт, что начиная со второй половины столетия эта формула выходит за рамки «Филофеева цикла», т.е. она становится настолько узнаваемой, что другие авторы используют этот образ для обоснования собственных идей. К числу памятников указанного времени, в которых фигурирует формула Третьего Рима, следует отнести пространную редакцию «Повести о новгородском белом клобуке», возникшую не ранее 1564 г.⁶⁹ Сложнее дело обстоит с так называемой «Казанской историей», также датируемой второй половиной XVI в.⁷⁰ В ней также присутствует пассаж о Третьем Риме, который часть историков считает изначально присущим данному тексту⁷¹, другие же считают его более поздней вставкой⁷². Но даже если верна поздняя датировка, важно то, что образ Третьего Рима в данном тексте совершенно органичен, поскольку он просто перенасыщен византийскими и римскими образами, мотивами и аллюзиями. И уже это само по себе указывает на то, что теория Филофея не могла восприниматься в XVI столетии «маргинальной».

Таким образом, дело не в том, что идея Третьего Рима была «периферийной», а в том, что ни Василий III, ни Иван Грозный не имели ни малейшей заинтересованности в признании этой концепции. В самом деле, если первый все государственные дела решал, по словам Берсень-Беклемишева, «сам-третей у постели», а второй в своем властолюбии многократно превзошел отца, то каково могло быть их отношение к теории, ставившей во главу угла идею ответственности власти перед Богом (а значит и перед обществом) и права церкви, выступающей от лица Бога и воцерковленного общества «наставлять и печаловаться»? Но после смерти Ивана IV, когда возникла острая потребность в преодолении взаимной отчужденности между государством и церковью, между властью и обществом, правительство царя Федора Ивановича и Бориса Годунова берет эту идею на вооружение. Пространное изложение теории «Москва – Третий Рим», текстуально близко воспроизводящее соответствующий фрагмент из «Послания о крестном знамении», было включено в грамоту 1589 г. об учреждении патриаршества в качестве богословского обоснования данного акта.

Безусловно, такой аргумент не мог вызвать сочувствия у подписавшего грамоту вселенского патриарха Иеремии, но поскольку нам ничего неизвестно о греческих переводах этого текста, скорее всего, он и не знал о его содержании. Очевидно, к этому времени патриарх, сломленный изощренным психологическим прессингом Бориса Годунова и Андрея Щелкалова, мечтал только о том, чтобы поскорее покинуть «гостеприимную» Москву, и подписал текст не глядя. И тем не менее, как справедливо заметила Н.В. Синицына, «каковы бы ни были подробности подписания грамоты, наличие на грамоте патриаршей печати и подписи придает изложенной от его имени концепции историко-канонический характер»⁷³. Более того, совершенно правы были и Г. Фроловский, подчеркивавший,

⁶⁸ Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 163; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 114; Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XVI вв.) // Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 228.

⁶⁹ Лурье Я.С. Повесть о белом клобуке... С. 214–215.

⁷⁰ Волкова Т.Ф. Казанская история // СККДР. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 450–458.

⁷¹ Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М., 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси. С. 263.

⁷² Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? ... С. 72.

⁷³ Синицына Н.В. Третий Рим... С. 301.

что «это был акт политический, прежде всего»⁷⁴, и Р.Г. Скрынников, отмечавший, что «инициатива учреждения патриаршества принадлежала всецело светской власти»⁷⁵: церковная иерархия во всех этих событиях не проявила ни малейшей толики самостоятельности.

В этой же связи – как инициированный самим правительством символический акт, утверждающий идею Третьего Рима в качестве официальной доктрины – следует рассматривать предпринятую дядей Бориса Годунова боярином и конюшим Дмитрием Ивановичем Годуновым рассылку по двенадцати влиятельнейшим русским монастырям лицевых псалтирей. Все эти книги открываются записью, извещающей о том, что они изготовлены «в богохранимом и в преименитомъ и царствующемъ граде Москвѣ, в Третіемъ Римѣ благочестіемъ цвѣтущимъ при державе превысочайшіе царскіе степени скиѳетра великаго Росіискаго царствіа Богомъ дарованнаго, Богомъ украшеннаго, Богомъ почтеннаго, Богомъ превъзнесеннаго, Богомъ венчаннаго благовѣрнаго и христілюбиваго монарха Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Росіа самодръжца»⁷⁶.

Таким образом, отныне теория Третьего Рима становится официальной государственной доктриной, но при этом нет ровно никаких оснований считать, что «русское правительство реанимировало, казалось бы, уже давно забытую идею»⁷⁷. Ни книжники, ни духовенство не забывали о теории Филофея, а использование формулы Третьего Рима в произведениях второй половины XVI в. говорит о ее превращении в достаточно узнаваемый образ. Все дело в том, что именно власть, устремленная к совершенно иным идеалам и целям, ее сознательно игнорировала. Но к концу 80-х годов ситуация кардинально меняется: предстояло воссоздать государство из тех руин, в которые оно было обращено стараниями Ивана Грозного. И власть, и общество остро нуждались в объединительной идее. Пришло «время собирать камни». И именно идея Третьего Рима, отвергнутая, но забытая, оказалась тем камнем, который «стал главою угла». Но это уже совсем другая история...

Литература

«Москва – Третий Рим»: история спекуляции [Электронный ресурс] // Арзамас. Курс № 10. Генеалогия русского патриотизма. URL: <https://arzamas.academy/materials/324> (дата обращения: 20.11.2021).

Бушкович П. Православная церковь и русское самосознание XVI–XVII вв. // Ad Imperio. 2003. № 3. С. 101–117.

Волкова Т.Ф. Казанская история // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 450–458.

Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея» // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Т. 29. Л.: Наука, 1974. С. 68–97.

Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четьи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI вв. Ч. 1: А–К. Л.: Наука, 1988. С. 126–133.

Евгений, митр. (Болховитинов). История княжества Псковского. Киев: Типогр. Киево-Печерской лавры, 1831. 321 с.

Зимин А.А. Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Л.: Наука, 1956. Т. 12. С. 160–173.

Карпов Ф. Послание инокѣ Филофею // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 518–519.

⁷⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 29.

⁷⁵ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. Новосибирск, 1991. С. 363.

⁷⁶ Псалтирь лицевая Д.И. Годунова. Л. 4–4 об. М., 1594 [Электронный ресурс]. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/psaltir-licevaya-d-i-godunova> (дата обращения: 20.11.2021).

⁷⁷ Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. Вып. 3 (64). С. 11.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Типогр. Грачева и К°, 1871. 479 с.

Корневский А.В. Кем и когда была «изобретена» теория «Москва – Третий Рим»? // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 87–124.

Лихачев Д.С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 57–78.

Лурье Я.С. Повесть о белом клобуке // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 214–215.

Максим Грек. Инока Максима, слово обличительно отчасти латынского зловолства, в немже и на альманака, иже возвелеречевавшя, потопа всемирнаго быти, иже некогда поминаемых губительнейша // Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань: Типогр. губернского правления, 1860. Ч. 2. С. 457–484.

Малахов В.С. Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 3. С. 236–245.

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев: Типогр. Киево-Печерской лавры, 1901. 768 с. Примечания. 106 с. Приложения. 144 с.

Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / отв. ред. И.Н. Данилевский. 528 с.

Охотникова В.И. Летописи Псковские // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 27–30.

Петров Н.И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // *Труды Киевской духовной академии*. 1872. Т. II. № 8. С. 705–779.

По М. Изобретение концепции «Москва – Третий Рим» // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 61–86.

Псалтирь лицевая Д.И. Годунова. М., 1594 [Электронный ресурс]. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/psaltir-licevaya-d-i-godunova> (дата обращения: 20.11.2021).

Псковские летописи. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. 256 с.

Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // *Byzantinoslavica. Sborník pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologická komise při Slovanském ústavě*. R. VI. Praha: Orbis, 1935–1936. С. 85–109.

Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV–XVI вв.) // *Русское православие: вехи истории*. М.: Политиздат, 1989. С. 71–152.

Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. 586 с.

Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 416 с.

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. Новосибирск: Наука, 1991. 396 с.

Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 69–87.

Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. 2015. Вып. 3 (64). С. 9–17.

Филофей. Послание о злых днехъ и часехъ // *Памятники литературы Древней Руси*. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 442–455.

Флайер М.С. Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет: период Киевской и Московской Руси*. Антология. Самара: Самарский университет, 2001. С. 203–239.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. 601 с.

Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т. 1. С. 41–53.

Эксле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Вып. 7. С. 49–60.

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983. 160 p.

Ben-Amos D. The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies // *Journal of Folklore Research*. 1984. Vol. 21. № 2/3. P. 97–131.

Bendix R. *In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press, 1997. 306 p.

David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: A Remarkable Decade // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2, No. 2. P. 229–231.

David-Fox M., Holquist P. Po M. From the Editors: Russophobia and the American Politics of Russian History // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. No. 2 (3). P. 465–467.

David-Fox M., Holquist P., Po M. From the Editors: Some Paradoxes of the “New Imperial History” // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1, no. 4. P. 623–625.

Ekiert G., Hanson S.E. Introduction // *Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule* / ed. G. Ekiert and S. Hanson. New York: Cambridge University Press, 2003. 375 p.

Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 145 p.

Hakluyt R. *The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Othello and Wulfstan from King Alfred's Orosius*. London, Paris, New York & Melbourne: Cassell and Company, 1889. P. 138–139.

Hobsbawm E. Introduction: Inventing Tradition // *The Invention of Tradition* / ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 192 p.

Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G. Introduction: Democracy and Party Competition // *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation* / ed. H. Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, G. Tóka. Cambridge, New York, etc.: Cambridge University Press, 1999. 458 p.

Lipovetsky G. *Hypermodern Times*. Cambridge: Polity Press, 2005. 150 p.

Mortimer I. What isn't History? The nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century // *History*. 2008. Vol. 93, no. 312, iss. 4. P. 454–474.

Nealon J.T. *Post-postmodernism, or, The Cultural Logic of Just-in-time Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2012. 227 p.

Ostrowski D. “Moscow the Third Rome” as Historical Ghost // *Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Perspectives on Late Byzantine Art and Culture* / ed. S.T. Brooks. New York, etc.: The Metropolitan Museum of Art, 2006. P. 170–179.

Poe M. *Moscow the Third Rome: The Origins and Transformations of a Pivotal Moment* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa*. 2001. Bd. 49. H. 3. P. 412–429.

Poe M. *The Russian Moment in World History*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. 116 p.

Rupnik J. *The Other Europe. The Rise and Fall of Communism in East Central Europe*. New York: Pantheon Books, 1989. 291 p.

The Invention of Tradition / ed. E.J. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

Turner T. *City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning*. London: E&FN Spon, 1996. P. 3–10.

Vermeulen T., Akker van den R. Notes on Metamodernism // *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010. Vol. 2. P. 1–14.

References

- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, Verso. 160 p.
- Ben-Amos, D. (1984). The Seven Strands of Tradition: Varieties in Its Meaning in American Folklore Studies. In *Journal of Folklore Research*. Vol. 21, No. 2/3, pp. 97–131.
- Bendix, R. (1997). *In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press. 306 p.
- Bushkovitch, P. (2003). Pravoslavnaya tserkov' i Russkoye samosoznanie [Orthodox Church and Russian National Consciousness in the 16th–17th Centuries]. In *Ab Imperio*. No 3, pp. 101–117.
- Chin venchaniya na tsarstvo tsarya Ioanna Vasilievicha (1846). [Coronation Ritual of Tsar Ivan Vasilievich]. In *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu*. S. Petersburg: Tipogr. II Otd. Sobstvennoy EIV Kantselyarii. Vol. 1, pp. 41–53.
- David-Fox, M., Holquist, P., Po, M. (2001). From the Editors: A Remarkable Decade. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 2, No 2, pp. 229–231.
- David-Fox, M., Holquist, P., Po, M. (2000). From the Editors: Some Paradoxes of the “New Imperial History”. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 1, No. 4, pp. 623–625.
- David-Fox, M., Holquist, P., Po, M. (2001). From the Editors: Russophobia and the American Politics of Russian History. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 2, No. 2 (3), pp. 465–467.
- Droblenkova, N.F. (1988). The Great Menaion Reader [Velikie Minei Chet'i]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.)*. Part 1. Leningrad, Nauka, pp. 126–133.
- Ekiert, G., Hanson, S.E. (2003). Introduction. In *Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule*. Eds. G. Ekiert, S. Hanson. New York, Cambridge University Press, XIII, 375 p.
- Eksle, O.G. (2001). Fakty i fiktsii: o tekushchem krizise istoricheskoy nauki [Facts and Fictions: on the Contemporary Crisis of Historical Science]. In *Dialog so vremenem*. Moscow, Editorial URSS. Iss. 7, pp. 49–60.
- Filofey (1984). Poslanie o zlykh dnekh i chasekh [Epistle on Sinister Days and Hours]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 442–455.
- Flier, M. (2001). Rashifrovka koda: Obraz tsarya v obryade Verbnogo voskresen'ya v Moskvoskom gosudarstve [Decryption of Code: The Image of Tsar in Ritual of Palm Sunday in Muscovite State]. In *Amerikanskaya rusionika: Vekhi istoriografii poslednikh let: period Kievskoy i Moskovskoy Rusi. Antologiya*. Samara: Izd-vo “Samarskiy universitet”, pp. 203–239.
- Florovskiy, G. (1937). *Puti russkogo bogosloviya* [The Roads of the Russian Theology]. Paris. 601 p.
- Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press. 145 p.
- Goldberg, A.L. (1974). Tri poslaniya Filofeya [Filofei's Three Epistles]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 29. Leningrad, Nauka, pp. 68–77.
- Hakluyt, R. (1889). *The Discovery of Muscovy. From the collections of Richard Hakluyt. With The Voyages of Ohthere and Wulfstan from King Alfred's Orosius*. London, Paris, New York, Melbourne, Cassell and Company, pp. 138–139.
- Hobsbawm, E. (2000). *Introduction: Inventing Tradition*. In *The Invention of Tradition*. Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, Cambridge University Press. 192 p.
- Hobsbawm, E.J., Ranger, T. (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press. 320 p.
- Karpov, F. (1984). Poslanie inoku Filofeyu [Epistle to Monk Filofei]. In *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 518–519.

Kitschelt, H., Mansfeldova, Z., Markowski, R., Tóka G. (1999). Introduction: Democracy and Party Competition. In *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation*. Eds. H. Kitschelt, Z. Mansfeldova, R. Markowski, G. Tóka. Cambridge, New York, etc., Cambridge University Press, XIV. 458 p.

Klyuchevskiy, V.O. (1871). *Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskiy istochnik* [Medieval Russian Hagiography as Historical Source]. Moscow, Grachev i K°. 479 p.

Korenevskiy, A. (2001). Kem i kogda byla “izobretena” teoriya “Moskva – Tretiy Rim [Who and When “Invented” the Theory “Moscow, the Third Rome”]. In *Ab Imperio*. No. 1–2, pp. 87–124.

Likhachev, D.S. (1986). *Sistema literaturnykh zhanrov Drevney Rusi* [The System of Literary Genres of Medieval Russia]. In *Likhachev, D.S. Issledovaniya po drevnerusskoy literature*. Leningrad, Nauka, pp. 57–78.

Lipovetsky, G. (2005). *Hypermodern Times*. Cambridge, Polity Press. 150 p.

Lurie, Y.S. (1989). Povest’ o belom klobuke [The Tale of the White Cow]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.)*. Part 2. Leningrad, Nauka, pp. 214–215.

Malakhov, V.S. (2018). Izobretenie traditsii kak mem i kak cherta sotsiokulturnoy real’nosti: Eric Hobsbawm i ego soavtory v possovetskom kontekste [The Invention of Tradition as a Meme and as a Feature of Socio-cultural Reality: Eric Hobsbawm and His Co-authors in the Post-Soviet Context]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3, pp. 236–245.

Malinin, V. (1901). *Starets Eleazarova monastyrya Filofei i ego poslaniya* [The Elder of Eleazar’s Monastery Filofei and His Epistles]. Kiev, Tipogr. Kievo-Pecherskoy Lavry. 768 p. Primechaniya [Commentary]. 106 p. Prilozheniya [Appendixes]. 144 p.

Maximus the Greek. (1860). Inoka Maksima, slovo oblichitel’no otchasti latynskago zlosloviya, v nemzhe i na al’manaka, izhe vozvelerechevasha, potopa vsemirnago byti, izhe nekogda pominaemykh gubitel’neysha [The Exposal Discourse by Monk Maxim, Partly against Latin Slander; Here Also against the Almanac, Which Twaddled that There Would Be a Worldwide Flood More Disastrous than Ever Mentioned]. In *Maxim the Greek. Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoy dukhovnoy akdemii*. Kazan, Tipogr. gubernskogo pravleniya. Part. 2, pp. 455–484.

Mortimer, I. (2008). What isn’t History? The nature and Enjoyment of History in the Twenty-First Century. In *History*. Vol. 93, No. 312, Iss. 4, pp. 454–474.

(2020). Moskva – Tretiy Rim; istoriya spekulyatsii. [Moscow, the Third Rome: The History of Speculation]. In *Arzamas. Kurs No. 10. Genealogiya russkogo patriotisma*. URL: <https://arzamas.academy/materials/324> (date of accesses: 20.11.2021 г.).

Nealon, J.T. (2012). *Post-postmodernism, or, The Cultural Logic of Just-in-time Capitalism*. Stanford, Stanford University Press. 227 p.

Okhotnikova, V.I. (1989). Letopisi Pskovskie [Pskov Cronocles]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.)*. Part 2. Leningrad, Nauka, pp. 27–30.

Ostrowski, D. (2006). “Moscow the Third Rome” as Historical Ghost. In *Byzantium: Faith and Power (1261–1557). Perspectives on Late Byzantine Art and Culture*. Ed. S.T. Brooks. New York, etc., The Metropolitan Museum of Art, pp. 170–179.

Petrov, N.I. (1872). O vliyanii zapadnoevropeyskoy literatury na drevnerusskuyu [On the Influence of Western European Literature to the Medieval Russian One]. In *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*. Vol. II, No. 8, pp. 705–779.

Poe, M. (2000). Izobretenie kontseptsii “Moskva – Tretiy Rim” [Invention of the Concept “Moscow, the Third Rome”]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 61–86.

Poe, M. (2001). Moscow the Third Rome: The Origins and Transformations of a Pivotal Moment. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa*. Bd. 49, H. 3, pp. 412–429.

Poe, M. (2003). *The Russian Moment in World History*. Princeton; Oxford, Princeton University Press. 116 p.

Psaltyr’ litsevaya D.I. Godunova (1594) [Illustrated Psalter of D.I. Godunov]. Moscow. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/psaltir-licevaya-d-i-godunova> (date of accesses: 20.11.2021 г.).

Pskovskie letopisi (2003) [Pskov Cronocles]. In *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 5, Iss. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 256 p.

Rupnik, J. (1989). *The Other Europe. The Rise and Fall of Communism in East Central Europe*. New York, Pantheon Books. 291 p.

Rzhiga, V.F. (1935–1936). Neizdannye sochineniya Maksima Greka [Unpublished Works by Maxim the Greek]. In *Byzantinoslavica. Sbornik pro studium Byzantsko-slovanských vztahů. Vydává byzantologická komise při Slovanském ústavě*. R. VI. Praha, Orbis, pp. 85–109.

Sakharov, A.M., Zimin, A.A., Koretskiy V.I. (1989). Tserkov' v obshchestve razvitygo feodalizma (XIV–XVI vv.) [Church in Society of the Developed Feudalism (14th–16th Centuries)]. In *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii*. Moscow, Politizdat, pp. 71–152.

Serebryanskiy, N.I. (1908). *Ocherki po istorii monastyrskoy zhizni v Pskovskoy zemle* [Esseys on the History of Monastic Life in Pskov Land]. Moscow, Obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. 586 p.

Sinityna, N.V. (1998). *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya srednevekovoy kontseptsii* [The Third Rome. Origins and Evolution of Medieval Conception]. Moscow, Indrik. 416 p.

Skrynnikov, R.G. (1991). *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XV vv.* [The Star and Church in Russia in the 14th–16th Centuries]. Novosibirsk, Nauka. 416 p.

(2020). Stanovlenie obshchestvennoy mysli dopetrovskoy Rusi [The Genesis of Social Thought of Pre-Petrine Rus']. In *Obshchestvennaya mysl' Rossii: s drevneyshikh vremen do serediny XX veka: v 4 t.* Vol. 1. Ed. I.N. Danilevskiy. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 528 p.

Turner, T. (1996). *City as Landscape: A Post Post-modern View of Design and Planning*. London, E&FN Spon, pp. 3–10.

Usachev, A.S. (2012). “Tretiy Rim” ili “Tretiy Kiev”? (Moskovskoe tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov) [The “Third Rome” or the “Third Kiev”? (Muscovite Tsardom of the 16th Century in the Perception of Contemporaries)]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1, pp. 69–87.

Usachev, A.S. (2015). Ob istorii bytovaniya idei “Tret'ego Rima” v Rossii XVI v. [On the Existence of Idea of the “Third Rome” in Russia in the 16th Century]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. No. 3 (64), pp. 9–17.

Vermeulen T., Akker, van den R. (2010). Notes on Metamodernism. In *Journal of Aesthetics & Culture*. Vol. 2, pp. 1–14.

Volkova, T.F. (1988). Kazanskaya Istoriya [Kazan History]. In *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi, vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI vv.)*. Part 1. Leningrad, Nauka, pp. 450–458.

(1831). Yevgeny, metropolitan (Bolkhovitinov). *Istoriya knyazhestva Pskovskogo* [The History of Pskov Principality]. Kiev, Tipogr. Kievo-Pecherskoy Lavry. 321 p.

Zimin, A.A. (1956). Obschestvenno-politicheskie vzglyady Fedora Karpova [Social-political views of Fedor Karpov]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. 29. Leningrad, Nauka, pp. 160–173.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021 г.